

Она стоит по ту сторону занавеса, ждет, когда торжественный шпехштаймстер огласит на весь цирк: «Бэлла Мартиросова!» Тогда разлетятся в сторону занавески форганга, и сюда, в будничную, деловую, чуть усталую под вечер атмосферу цирка-труженика, ворвутся аплодисменты и знойный свет прожекторов, а с ними то знакомое каждому чувство радости, которым вечно дышит цирк-праздник.

В юбилейной программе, посвященной 60-летию комсомола, которая идет сейчас на ленинградском манеже, Бэлле Мартиросовой отводится семь минут. В обыденной челове-

переходил от медленного к быстрому и наконец стал пляской лихого джигита.

Сколько же лет я знаю тебя, Бэлла? Десять, наверное. А вот номер твой вижу впервые и никогда не думала, что в тебе столько веселья, темперамента, азарта. Должно быть, это оттого, что познакомилась мы в нелегкую пору твоей болезни. Терпеливо пробовались все средства — недуг не отступал. Самое большее, что она могла тогда на манеже, — ассистировать мужу-жонглеру Евгению Хромову. Улыбка, грациозный взмах руки — не более.

Кто вырос в цирке, тот зна-

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

родители решили, что цирковой династии им не создать.

Музыкальную школу девочка, несмотря на частые переезды, закончила на «отлично». Занималась в музыкальном училище. И тут неведомым, волшебным своим образом вдруг потянул к себе манеж — умчалась в Москву, в студию циркового искусства. Прославившись с том, школьная преподавательница музыки забросала родителей девушки телеграммами: «Верните в училище! Погубите талант!»

Талант не был погублен. В

разе?! Свое искала настойчиво, не боялась часто менять номер, осваивать новое. Однажды придумала соединить танец с игрой на ложках. Занималась не один месяц у ложкарей. «Не знаем женщины, которая бы так хорошо умела играть на ложках», — сказали ей учителя, когда завершился курс обучения. Но вот вышла на манеж — и ...пока ничего не получается. Там был ансамбль ложкарей, а тут всего две деревянные ложечки, звучание которых растаяло неслышно под огромным сводом

Цирковые дороги прихотливы. Один только раз встретила в ташкентской цирковой программе с отцом и матерью, и опять разметало их по Союзу, а то и совсем далеко от Родины. Социалистические страны, Канада, Латинская Америка, Скандинавия, шестнадцать стран Африки... Работали в разных условиях. Порой, придя в зал, видели: по-

нас так танцуют многие!»

О ней разговаривать с ней — пытка. Мы уже очень долго сидим в гримерной, а мой блокнот никак не пестрит от записей. «На чем играю? На фортепиано, концертно, аккордеоне, гитаре, ударных... Когда дочь приобщил к манежу? В прошлом году Каринка уже выходила...» И все это скучным голосом, выдавливая из себя понемногу. И потом горячо, умоляюще: «Ну не умею о себе, не умею!» С оживлением говорила только о Ленинграде. Сколько связано у нее с нашим городом! Здесь родился ее первый после выпуска из цирковой студии номер. Поставил его замечательный ленинградский режиссер, тогдашний художественный руководитель цирка на Фонтанке Георгий Семенович Венецианов. И второй, не менее памятный вариант тоже создан здесь известным цирковым постановщиком А. Арнольдом, а художником Татьяной Бруни сделаны эскизы костюмов. В Ленинграде знаменитый эстрадный танцор Николай Виниченко начал учить ее четке, ступе. Здесь сделана аппаратура для сегодняшнего ее номера. Спасибо за это рабочим «Кировского завода», в порядке шефской помощи они изготовили все необходимое!

Так сложился уникальный номер — ни в цирке, ни на эстраде другого такого нет, с которым объездила она нашу страну и еще три десятка стран. Номер, в котором соединились исполнительство на самых разных инструментах и ритмические танцы.

...Ну когда еще цирковой конвейер приведет ее в Ленинград?! Номер пользуется успехом. Так не пора ли все свободное время отдать Ленинграду, если так волнует наш город: «Я иду по Невскому проспекту и чувствую себя счастливой». Но знаю, она сейчас поглощена иными планами. Она ищет балетмейстера: «Есть идея переменить финал, нужен характерный танец». Стало быть, появится работа с композитором и с оркестром. Надо к тому же разработать новые костюмы. Все сделать в Ленинграде — ведь ленинградское самое лучшее!

И все это ради семи минут на манеже Ради нашей с вами радости.

Г. ГЕОРГЕ

СЕМЬ МИНУТ НА МАНЕЖЕ

ческой жизни — малый миг. В искусстве — срок, достаточный для создания законченного произведения. Нет, неверно — не для создания! Для показа. А для создания — чем можно это измерить? — вся жизнь...

Хрупкая девочка в брючках, прищипывая, наигрывает на саксофоне. Эта хрупкость, и локоны, разбросанные по плечам, и золоченый рог так и ведут к ассоциации — девочка с новой игрушкой.

На таком толковании актерского образа можно было бы остановиться, но номер продолжался, и безупречность исполнения современных мелодий, тонкий вкус, широта исполнительского диапазона — те многие качества, что отличают мастера от новичка, — уже никак не лезли в тесноватые рамки образа расшалившейся девочки-подростка.

Судите сами. Кроме саксофона, она поиграла нам на необычной арфе — из бубенчиков, а потом взяла в руки палочки и в бешеном темпе «стучала» «Танец с саблями» Хачатуряна на ксилофоне. Прожектора искали манеж лучами, схлестывавшимися, как сабельные клинки в момент жестокого боя. Палочки в руках Бэллы мелькали с быстротой, с трудом фиксируемой глазом... Ну а когда уже отзвучали все музыкальные инструменты, собранные на арене, мелодия возникла... под каблучками артистки. С той же легкостью, с тем же изяществом — «смотрите, это так просто!» — мелькали над постановом, тихо стучали по нему, обрушивались лавиной каблучки. Четочные ритмы захватили зал, и вот уже всякий бил в ладоши, не жалея сил. Степ, ритмический танец,

как мучительно чувство простоя при каждодневной, воспитанной с детства потребности участвовать в нелегком труде манежа. Ведь даже ни от кого не услышишь здесь: «Я выступаю». Говорят иначе: «Работаю номер». А Бэлла Мартиросова принадлежит к потомственной цирковой семье. Мама Анна Солнцева — воздушная гимнастка, известная зрителям с довоенной поры. Прекрасная техника, артистизм испулали у Солнцевой типичное для того времени отсутствие сложной аппаратуры. Дом пололила животные. Отец Христофор Мартиросов выступал и с дрессированными собаками, попугаями, пони... Мать учила дочь своему искусству, и в 9 лет девочка вышла на манеж с акробатическим номером. Отец же видел в ней свою смену, дочь выступила с дрессированными животными — и неудачно: «Отец стоял у барьера, я работала, а все собачки глядели на него». А когда Бэлла занялась музыкой, и сразу очень успешно,

студии с помощью опытных педагогов (актерское мастерство, например, вел здесь Михаил Яншин) Бэлла обрела наконец свой жанр — музыкальная эксцентрика, точнее сказать, лирическая музыкальная эксцентрика. Слились воедино ее музыкальное дарование, умение играть на всевозможных инструментах, пластичность, заложенная акробатикой.

Бэлла стала актрисой столь ценного в цирке синтетического направления — играла на манеже, пела, танцевала, вела диалог с партнершей. И осваивала степ. Смотрела десятки раз фильмы с участием зарубежных четочников. А еще заперлась в четырех стенах и по шесть—восемь часов в день «стучала» степ. «Железная!» — говорили коллеги. — Своего добьется! Но мало просто «стучать». Знает, видела: есть четочники, которые ногами выделяют просто чудеса. Но все это с каменными лицами, неподвижными торсами — что тут говорить о сценическом об-

толок нависает низко над головой. Значит, сегодня многие артисты — канатоходцы, воздушники, гимнасты с першим — отдыхают. Те, кому не нужны особые условия работы, потрутся с увеличенной нагрузкой. Бэлле такие условия не нужны, а муж Женя немного присядет, чтобы жонглируя, не угодить в потолок. Ну а в последнюю поездку, в Венесуэлу, они выступали в открытом зале «Валенсия» на пятнадцать тысяч зрителей. Там простора хватало. Только дождь шел. Но работали все, даже мишки Филатова. Самыми сложными были для Бэллы гастроль в африканских странах. Первые звуки, словно детонатор, взрывали зрительскую массу. Руки, черные дружные руки подхватывали ритм мелодии. От ударов ладоней она не слышала оркестра. Зато какой награды прозвучали слова одного импресарио при прощании: «Мадам ведь не первый раз в Африке? Так научиться танцевать можно только у нас». Не без кокетства ответила: «О! У

1978

СЕМЬ МИНУТ
НА МАНЕЖЕ
Г. Ленинград